

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

А. С. Колотовкина

Институты прошлого: потенциал организационной теории в исследованиях коллективной памяти

КОЛОТОВКИНА Анна Сергеевна — аспирантка факультета социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; младший научный сотрудник Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора Института русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом). Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная Макарова, д. 4.

Email: annykolotovkina@gmail.com

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

Статья посвящена потенциалу организационной теории в исследованиях памяти (memory studies). Отмечаются существующие подходы к исследованиям сюжетов на стыке исторической памяти и организаций. Институциональный подход в исследованиях памяти отличается полнотой описания отдельных кейсов, но также нехваткой сравнения и узким пониманием института памяти. Организационные исследования памяти направлены прежде всего на изучение формирования и воспроизводства истории конкретных организаций, им недостаёт внимания к теоретическим находкам. Главной слабостью описанных методологических решений является их слабая теоретическая и дисциплинарная проницаемость, что приводит к параллельной исследовательской работе в областях, мало интересующихся друг другом.

Альтернативным методологическим ходом может оказаться применение социологии организаций к исследованиям музеев, архивов, образовательных учреждений и других мнемонических акторов. В статье рассматриваются три ключевых направления социологии организаций: (1) новый институционализм (с фокусом на изоморфизме, расщеплении и организационной дискреции); (2) теория ресурсной зависимости и (3) организационная экология. Описанные подходы иллюстрируются примерами из эмпирических работ, посвящённых коллективной памяти, а также кейсами, актуальными для социальных и исторических исследований. Отмечается, что организационную теорию можно использовать для анализа коммеморативных практик, (вос)производства идентичности, отношений с государством. Она позволяет объяснить вариацию практик в разнообразных институтах, связывает установившиеся в организации традиции с её действиями в настоящем времени и типологизирует организации на новых основаниях.

Ключевые слова: институты памяти; коллективная память; организационный институционализм; ресурсная зависимость; мнемонические акторы; коммеморативные практики.

Введение

Коллективная, или культурная, память в академической литературе связывается с пониманием групповой идентичности в самом широком смысле — от семейной до национальной; от представлений о себе до репрезентации себя другим группам [Олик 2012; Андерсон 2016]. Такую память можно

охарактеризовать как социальную репрезентацию прошлого [Jedlowski 2001: 33], акт передачи коллективных представлений о прошлом [Connerton 1989: 39] и как «комплекс текстов, монументальных сооружений, практик и ритуалов, позволяющий хранить знания о событиях, удалённых во времени» [Архипова et al. 2017: 89]. При накоплении памяти индивиды или группы формируют свои идентичности на основе обычаев, практик и норм [Hirsch, Smith 2002]. Акты вспоминания встраивают индивида в разные социальные рамки (например, в семью, религию, класс) [Feindt et al. 2014: 32]. В политическом смысле коллективная память обращается к актуализированному прошлому (*usable past*), то есть к набору «исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами» [Малинова 2019: 291]. Работой с актуализированным прошлым занимаются мнемонические акторы (*mnemonic actors*) — «политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого» [Bernhard, Kubik 2014: 4]. Мнемонические акторы могут действовать для поддержания своей или близкой себе власти, легитимации тех или иных решений, получения ресурсов (в том числе общественной поддержки) и др. [Малинова 2019: 291].

Исследования памяти обращаются к разнообразным и нелинейным отношениям, таким как идеологические запросы власти и общества, академическая история и её публичная репрезентация и, наконец, то, что называется триумфом и травмой [Giesen, Eisenstadt 2015]. Немецкий историк Вульф Канстейнер отмечает следующие особенности коллективной памяти: она (1) не является историей, хотя их и объединяет общая основа; (2) относится к коллективным феноменам, но выражается в индивидуальных действиях и высказываниях; (3) обращена к прошлому, но часто действует в интересах настоящего; (4) в равной степени сформирована продуманными сторонними манипуляциями и индивидуальным бессознательным [Kansteiner 2002: 180]. На схожем наборе парадоксов строится и организация. Объект организационных исследований и исследований памяти всё время перемещается между микро- и макроуровнями, затрагивая как широкий исторический контекст, так и индивидуальный опыт, имеет политическое, экономическое и культурное измерения. Ещё одно значимое сходство исследований организаций и исследований памяти — постоянное балансирование между поиском общих тенденций (например, изоморфизм в организациях) и эмоциональные режимы в памяти) и кейс-стади (изучение конкретного института и (или) группы).

Несмотря на перечисленные сходства этих дисциплин, динамика отношений между памятью и институтами остаётся малоизученной [Coraiola et al. 2023: 10], что объясняет и ограниченное количество организационных исследований в этой сфере. Аналогично сторонники неоинституционального и прочих подходов игнорируют мнемонический аспект деятельности организаций [Rowlinson et al. 2010]. Понятие «память» для них имеет в первую очередь функциональное значение — сохранение и передача опыта, который может оказаться полезным для деятельности организации [Coraiola et al. 2023: 11–12]. В литературе неоднократно отмечалось, что исследования памяти могут выиграть от использования сравнительных исторических и социологических подходов, в том числе организационной теории [Conway 2010: 451]. Использование ресурсов организационной теории в исследованиях институтов памяти поможет преодолеть часть проблем, отмечаемых критиками *memory studies*. Так, исследования памяти часто фокусируются на конкретных событиях, освещая практики, но игнорируя их рецепцию, или рассматривают коллективную память как ещё один уровень индивидуальной [Kansteiner 2002: 179]. Также их критикуют за расплывчатость терминологии, отсутствие проработанных методов и описательность [Сафронова 2018: 23]. Ещё одна зона критики — склонность к исследованию отдельных случаев (кейсов) [Saito, Wang 2014: 168]. Изучение (вос)производства коллективной памяти в институтах — область для исследования полей памяти и действующих в них разных версий прошлого [Олик 2012: 47], а также механизмов, «изучение которых позволяет лучше понимать, почему одни способы интерпретации социальной реальности оказываются влиятельнее других, чем определяется успех и какие ресурсы работают более эффективно» [Малинова 2019: 288]. Многообразие полей и механизмов можно рассматривать как следствие многообразия институтов, связанных с коллективной памятью.

Организационный фактор в исследованиях памяти возникает, когда мы переходим от набора случаев к поиску общих тенденций; учитываем институциональную специфику и её влияние на внутренние практики; обращаем внимание на механизмы взаимодействия между организациями — использование ресурсов, давление, изоморфизм и др.

Данный обзор включает разные фокусы и подходы к понятиям «институт», «организация», «память», «практики» и др. Задача состоит в том, чтобы найти различия и точки пересечения между разными теоретическими взглядами на одно эмпирическое явление, отметить их сильные стороны по отдельности и в синтезе. Предлагаемая статья состоит из трёх смысловых частей. В первой я опишу существующие формы синтеза организаций и коллективной памяти — это исследования институтов памяти (*memory in institutions*) и организационные исследования памяти (*organizational memory studies*). Вторая часть посвящена трём значимым направлениям организационной теории — неоинституционализму, экологической теории и теории ресурсной зависимости. Здесь я рассуждаю о возможностях применения этих подходов к исследованию коллективной памяти в самом широком смысле (то есть внутренних и межинституциональных отношений, коммеморативных практик, политических действий и др.). Наконец, в третьей части я отмечаю перспективы дальнейшего синтеза описанных направлений, сформулированные на основе эмпирической литературы и опыта изучения коллективной памяти.

Институты памяти: мнемонические акторы, мемориальная инфраструктура

Специфика институционального подхода в исследованиях памяти в том, что внешне он может напоминать социологические исследования организаций. Однако используя схожий лексикон (институты, ресурсы, легитимность), эта область далека от социологии организаций. Несмотря на наличие в исследованиях памяти социологического направления, соответствующие подходы встречаются ещё редко. В этой части статьи речь пойдёт об институтах в том смысле, в каком их понимают исследователи коллективной памяти.

К институтам коллективной памяти можно отнести «здания, организации, иерархические и бюрократические структуры с оплачиваемым персоналом, которые в области культуры принимают решения долгосрочного плана <...> реализуют ценности, нормы и программы, которые <...> имеют долгосрочный характер» [Ассман 2018: 260]. С XIX века европейские национальные государства использовали коллективную память как ресурс: музеи, библиотеки, архивы и историческая наука стали значимыми институтами для поддержания власти и легитимности [Olick 1999: 343].

Институционализация памяти, во-первых, опирается на различную инфраструктуру (памятники, музеи, коммеморативные практики, календари и др.); во-вторых, производится в организациях разного типа и уровня; в-третьих, встраивает индивида в мемориальную культуру (прежде всего национальную) [Ассман 2016: 25]. Коммеморативные практики можно определить как «совокупность публичных актов “вспоминания” [исторических фигур или событий] и (пере)осмысления в современном контексте» [Малинова 2017: 10]. Важно, что коммеморация — нейтральный термин в том смысле, что может означать любую смысловую окраску события — от радости до скорби. Суть события — вписывание прошлого в настоящее, его актуализация [Малинова 2017: 10]. Под мемориальной культурой (*culture of remembrance, memorial culture*) мы понимаем способы взаимодействия общества со своим прошлым, как слова, так и действия.

Процесс институционализации памяти связан с разнообразными затратами и требует административную структуру, финансирование, общественную поддержку, методологические основания и др. Алейда Ассман предлагает различать две формы культурной памяти: активное памятование (выражающееся в канонизации определённых событий, личностей образов; коммеморативных практиках;

устойчивых нарративах) и накопительную память (архивы, содержание которых может быть малоизучено или неизвестно). Обе формы памяти требуют разнообразных институциональных ресурсов (например, комплектование и содержание архивов финансово и кадрово затратны) [Ассман 2019: 34]. Средства передачи памяти различаются в зависимости от организации [Олик 2012: 54], это хорошо заметно на примере музеев в разных типах населённых пунктов или в школьной программе по гуманитарным дисциплинам для младших и старших классов. Человек может попадать из пространства одной мнемонической социализации в другое; например, в случае миграции и смены образовательной среды. Получается, что ребёнок приобретает новую коллективную память взамен к уже имеющейся, и они могут противоречить друг другу [Zerubavel 1996: 299]. Следует отметить, впрочем, что первая коммеморативная итерация может быть незначительно ближе второй. Так, события Первой мировой войны для современного школьника равноценно загадочны вне зависимости от того, на чьей стороне были его предки.

Разнообразие форм и технологий памяти связано с разнообразием социальных институтов, а то, как происходит регулирование коммемораций на государственном уровне, соответственно, связано с устройством государства как института [Olick 1999: 343]. Состав институтов памяти можно трактовать по-разному. Так, в русскоязычной академии первоочередными институтами памяти считаются организации и инициативы, в центре деятельности которых работа с историей (например, Российское историческое общество или проект «Последний адрес») [Миллер 2019]. Недостаток такого подхода в том, что он ограничивает возможности для сравнительного анализа и приводит к бесконечно множающемуся корпусу описательных кейс-стади на тему коллективной памяти. В то же время к институтам памяти можно отнести, например, судебную систему. Значимый элемент любых форм культурной памяти — самоидентификация, а это продукт юридических преобразований (развитие прав человека, понятия «свобода», «независимость» и др.) [Misztal 2003: 20]. Более очевидный пример в этой сфере — суды над нацистскими преступниками в послевоенной Европе и законодательные акты в отношении памяти о Холокосте. Существует институциональная ответственность организаций и их отдельных сотрудников — по такому принципу работают выплаты социальным группам, пострадавшим в ходе того или иного исторического события [Ассман 2019: 206].

Политический контекст институтов коллективной памяти, безусловно, важен, но он не всегда работает очевидным образом. Социальное или политическое действие может не быть главной целью существования организации (например, бизнеса или медиа), но в определённых исторических обстоятельствах такие институты оказываются вовлечены в идеологическую борьбу [Barnett, Woywode 2004: 1453]. Кроме того, нужно прояснить непростые отношения между национальной и глобальной политикой. Классический пример: даже наднациональная историческая политика (память о Холокосте) реализуется ресурсами национальных государств (местными институциями и нормами) [Saito, Wang 2014: 169].

Конкурентная борьба за трактование прошлого ведётся и до институционализации [Ассман 2018: 261], и в её процессе: институты памяти могут конфликтовать, оспаривать действия и экспертизу друг друга [Миллер 2019: 91–93]. Зачастую в основе институционализации находится травматическое событие [Coraiola et al. 2018: 53]. Алейда Ассман пишет, что коллективная память о Холокосте в современном виде зарождалась при участии институтов, не всегда имеющих прямое отношение к истории: «По инициативе новых студентов на лекциях рассказывалось об изгнании еврейских студентов и профессоров из университетов. Далее подключились другие институции. Молодые врачи устраивали в клиниках выставки об истории своих медицинских учреждений в период национал-социализма; гражданские инициативы выявляли имена депортированных и уничтоженных евреев» [Ассман 2016: 19].

Институциональные процессы в отношении коллективной памяти сегодня подвергаются разнообразной идеологической критике. Прежде всего, постоянное воспроизводство одних и тех же ритуалов

делает процесс шаблонным [Ассман 2016: 26]. Впрочем, эта шаблонность имеет перспективу для сравнительных исследований: «Как только определённая форма коммеморации институционализируется, она будет сохраняться, даже если исчезнут причины её первоначального появления <...> но никакая практика не может оставаться полностью неизменной» [Saito 2010: 634]. Примером могут быть разнообразные советские практики, сохраняющиеся до сих пор. 19 мая в школах по всей стране отмечается День детских общественных объединений, наследник Дня пионерии, атрибутика которого (в отличие от названия) не меняется. В то же время распространённые в советских школах уроки мужества, на которые десятилетиями приглашали ветеранов Великой Отечественной войны, сегодня продолжают с тем же названием, но уже с другими гостями или без них [Konkka 2021]. Описанные мероприятия содержат набор общих внешних атрибутов, чем напоминают содержание школьной программы; по сути, эти практики столь же изоморфны, что и силлабусы.

Подобно театральным или литературным специалистам, появляются «работники мемориальной сферы», а изначально личная эмоциональная работа становится задачей, которую можно делегировать профессионалам, что может иметь разные последствия для индивидуальной и коллективной культуры. Кроме того, агрегирование информации, которым занимаются институты, становится основой для дальнейшей работы с памятью — она движется по заданной траектории [Ассман 2018: 261; 270]. С одной стороны, культура непредставима без канона; с другой, такой подход заранее определяет форму и содержание будущего знания, то есть уже в момент проживания события можно предугадать его грядущую коммеморацию.

В исследованиях институтов памяти появилось некоторое количество устойчивых метафор, хорошо описывающих динамику этого культурного процесса и применимых к разным социальным и национальным контекстам. Кроме того, как относительно молодая дисциплина *memory studies* быстро реагирует на изменения в изучаемом объекте, будь то трансформации политических режимов или цифровая революция. Наиболее уязвимым местом этой группы исследований остаётся склонность к кейс-стади. Даже замечая схожие паттерны нарративов или практик в институтах вроде школ и библиотек, исследователи этого направления продолжают разделять память по принципу «событие» или «страна», редко обращаясь к сравнительным организационным исследованиям.

Память институтов: организационные исследования для прошлого и будущего

Память и организационное знание в том или ином виде давно присутствуют в исследованиях институтов. Так, бихевиоральные теории связывают действия организаций с их историей (ориентированной на настоящее) и будущими целями; усвоенный опыт консервируется и воплощается в ритуалах и повседневных практиках [Levitt, March 1988; Walsh, Ungson 2009]. На вопрос о том, что и как помнят институты, отвечают организационные исследования памяти (*organizational memory studies* — OMS)¹. Это направление является ответвлением классической организационной теории. Наиболее известное его определение приводится в программной для направления статье Дж. Уолша и Дж. Ангсона: это «ящик с инструментами», содержащий информацию о прошлом, актуальную для текущего организационного процесса [Walsh, Ungson 1991: 61].

Организационная память создаётся и воспроизводится на нескольких уровнях — в индивидах, организационной культуре, изменениях, структуре, экологии и внешних архивных источниках [Walsh, Ungson 1991]. Важно прояснить понятие «организационная культура»: она состоит из совместно проживаемых ритуалов, символов, верований, восприятий и др., которые объединяют участников организации [Zamanou, Glaser 1994]. Классическим примером памяти в организациях являются корпоратив-

¹ Здесь и далее термин используется как зонтичное наименование для нескольких подходов к исследованию организаций.

ные музеи, цель которых в сохранении истории, поддержании групповой идентичности (в том числе гордости), взаимодействии с внешней публикой и др. [Nissley, Casey 2002: 36]. На каждом этапе создания такого музея сотрудники принимают решения о том, что из жизни организации уже является историей (такое решение не очевидно, если речь идёт о действующем институте), какие из её частей они хотят сохранить и разделить с внешней аудиторией. Это одновременно форма работы с коллективной памятью сотрудников и воспроизведение доминирующего в организации нарратива [Nissley, Casey 2002: 38].

К организационной памяти также относятся некоторые когнитивные процессы (например, научение) [Walsh, Ungson 2009: 52]. Помимо памяти, важен процесс забвения, то есть понимание того, кем мы уже не являемся [Anteby, Molnar 2012]. Важный ресурс для сохранения институциональной памяти — письменные источники. Одни из них создаются как раз для фиксации истории организации (архивы), другие становятся источниками со временем (использованные библиотечные карточки, личные дела уволившихся сотрудников, утратившие силу постановления). Сохранение письменных данных, однако, редко оказывается случайным; любая библиотека или архив начинает свою работу с определения круга документов, которые будут собираться [Linde 2009: 12]. Источниками коллективной памяти становятся также сотрудники организации [Linde 2009: 13] как свидетели каких-то событий, о которых спустя время рассказывают в биографических текстах или медиа.

Институты занимаются не только работой с информацией, но и её интерпретацией. Разница в методах и результатах может объясняться организационными характеристиками и такими формами поведения организаций, как дискреция и изоморфизм (о них речь пойдёт в следующей части статьи) [Walsh, Ungson 1991: 60–61]. Для сбора информации важны практики, которые могут варьироваться на уровне популяций и сообществ [Walsh, Ungson 1991: 67], что отсылает нас к организационной экологии. Например, теневые бизнес-структуры будут скрывать и (или) уничтожать значительную часть своей документации, а культурные институты, напротив, оставят после себя разнообразные письменные свидетельства. Стратегии работы с документами могут повторяться в идеологически и (или) профессионально близких организациях, что также подлежит изучению.

Организации обладают собственной эмоциональной культурой, в том числе модусами эмоциональной реакции сотрудников на те или иные события. Это можно сравнить с организационным языком, описанным у Дж. Мейера и Б. Роуэна: «Подобно тому, как с помощью мифов зависти, злости, альтруизма и любви можно проинтерпретировать и объяснить действия индивидов, мифы докторов, бухгалтеров или конвейера помогают понять деятельность организации» [Мейер, Роуэн 2011: 53]. Коллективные эмоции сообщества формируются и воплощаются через ритуалы, которые могут носить рациональный или аффективный характер [Berkovich, Eyal 2018]. Совместное проживание корпоративных успехов и неудач через ритуалы, реакции радости или печали объединяют участников организации; те же механизмы и у коммемораций [Akgün, Keskin, Вурне 2012: 98]. Поскольку коммеморация связана в том числе со смертью, соответствующие практики любопытно изучать в организациях, чья деятельность также связана с ней. Например, недавнее исследование коммеморативных практик в полицейской среде показывает, что полицейские обладают особой символической культурой, воспринимают свою работу как пространство риска и близкой смерти, а также связывают свой опыт с опытом коллег (в том числе из других городов) [Sierra-Arévalo 2019].

Организационные исследования памяти — не маргинальная, но периферийная часть классических исследований организаций. Если классическая организационная теория, помимо общей критики, постоянно проверяется эмпирическими исследованиями, то организационные исследования памяти в академическом поле рассматриваются, скорее, с точки зрения текущих лакун и перспектив развития. Среди слабых мест направления отмечается, что организационные исследования на современном этапе не

учитывают индивидуальные факторы, такие как раса, гендер и др., в формировании институционального знания; предполагается, что организационные исследования памяти могут выиграть от обращения к феминистским подходам и интерсекциональности [Harris 2017]. Ещё одна зона критики — излишний менеджериализм и восприятие памяти как механического процесса [Rowlinson et al. 2010]. Значительная часть литературы по организационным исследованиям памяти рассматривает память «в контексте менеджмента, как ресурс эффективного управления» [Васильев 2012].

Также в литературе проблематизируется идентичность — персональная, организационная, национальная; данное понятие в OMS часто рассматривается как устойчивое, хотя оно может постоянно пересобираться [Ailon-Souday, Kunda 2003]. Данное замечание тесно связано с проблемой деколонизальности: организации могут использовать прошлое как символический ресурс, отвергать или видоизменять прежние практики, устанавливать разные отношения с глобальным рынком [Lahiri, Bhandarker, Behrens 2021]. Критические исследования организационной памяти предлагают любопытные наблюдения: например, банки в постколониальной Гане сознательно использовали архитектурный стиль, отличающийся от предшествующего [Decker 2014]. Это свидетельство можно отнести к истории, организационным трансформациям и коллективной памяти. Такие феномены говорят в пользу синтеза теорий.

Тем не менее организационные исследования памяти в настоящий момент сближаются с соседними дисциплинами, явно или неосознанно опираясь на несколько предпосылок из *memory studies*. Например, эти дисциплины объединяет само понимание общего проживания прошлого опыта и его использование для целей настоящего, а также связь коллективной памяти с инфраструктурой (то есть с письменными и материальными источниками) [Eisenman, Frenkel 2021: 2]. Коммеморативные практики и всё, что относится к коллективной памяти, зачастую находятся в центре идентичности, которую демонстрирует организация. Так, сравнительное исследование школьных сайтов показало, что большая часть содержащихся там материалов относится к церемониям, коммеморациям или иным мероприятиям, связанным с историей региона и (или) страны [Dimopoulos, Tsami 2018: 13]. Исследование одной из американских страховых компаний меняет традиционный взгляд на память как на организационный ресурс; вместо этого Ш. Линд рассматривает компанию как место (вос)производства памяти, чем, по сути, делает вклад и в OMS, и в *memory studies* [Linde 2009; Васильев 2012]. Приведённые примеры являются, пожалуй, исключениями, поскольку организационные исследования памяти действуют в устоявшейся логике обращения к собственной памяти как ресурсу. Тем не менее работы на стыке дисциплин говорят о возможности синтеза и общности объекта. Мемориальное измерение организационных практик — ещё одна характеристика института, которая может изучаться как в исследованиях памяти, так и в классической организационной теории.

Организационные подходы к исследованиям коллективной памяти

Выше я рассмотрела несколько теоретических формул пересечения коллективной памяти и организационной динамики. Однако возможностей для их синтеза больше, и, на мой взгляд, они находятся в базовых теориях организаций. Далее я обращаюсь к нескольким классическим подходам и размышляю о том, как их можно применить в исследованиях коллективной памяти.

Неоинституционализм

Значимость неоинституциональных подходов объясняется их вниманием к внутриорганизационным процессам (в особенности к структурам и практикам), которые предшествующие теории рационального выбора не могли объяснить [Goodrick, Salancik 1996: 2]. Согласно этим подходам, организации образуют поле, состоящее из производителя и потребителей, регулирующих инстанций, источников,

ресурсов и др. [DiMaggio, Powell 1983: 148]. Само наличие рационализированной системы институтов в той или иной сфере — свидетельство уровня модернизации общества [Мейер, Роуэн 2011: 49]. Этим тезисом неoinституционалисты совпадают с исследователями памяти и исторической политики [Ассман 2018: 261].

Организации стремятся к обретению легитимности, а для её достижения соблюдают принятые в институциональной среде нормы и ожидания [Goodrick, Salancik 1996: 1]. Эти нормы представляют собой договорённости о том, как должна быть выполнена та или иная задача. Соблюдение договорённостей происходит благодаря регулированию на разных уровнях (принятые в обществе нормы, государственное управление, образование и аккредитация) [DiMaggio, Powell 1983; Goodrick, Salancik 1996].

Следование договорённостям через определённые практики делает организации похожими друг на друга; этот процесс называется изоморфизмом [Мейер, Роуэн 2011]. Так формируются организационные мифы, которые могут проявляться и на уровне структуры (например, наличие образовательной программы по патриотическому воспитанию). Изоморфизм повышает шансы организации на выживание, увеличивает её легитимность, создаёт «представление об организации как об отвечающей всем требованиям, рациональной и современной» [Мейер, Роуэн 2011: 48], при этом на практике может снижать эффективность и не отвечать реальному положению дел (неясно, влияет ли наличие образовательной программы на степень патриотичности). Изоморфизм неодинаков на разных уровнях: руководящие структуры имеют больше сходств, чем локальные организации; это особенно хорошо изучено на примере образовательных институтов [Мейер, Роуэн 2011; Voxenbaum, Jonsson 2017: 4]. Классический пример современной изоморфной практики — использование интернет-ресурсов, создание официальных сайтов и профилей организации в социальных сетях. Если сегодня необходимость использования Интернета объясняется принципами рекламы и PR, то пару десятилетий назад сайты создавались для отчётности (актуально для образовательных учреждений) и демонстрации технологического развития [Dimopoulos, Tsami 2018: 1]. Сайты — способ демонстрации институциональной идентичности. Организационные характеристики влияют на характер самопрезентации; например, религиозные и светские, а также начальные и старшие школы демонстрируют разное соотношение образовательного и символического контента [Dimopoulos, Tsami 2018: 8]. Накануне памятных исторических дат, как праздничных так и трагических, организации используют свои медиа для выражения тех или иных чувств, при этом и форма, и содержание контента, посвящённого одному событию, могут различаться. Сравним, например, коммеморации событий российской истории периода 1990-х гг. (распад СССР, война в Чечне и др.): в медиа образовательных учреждений, на сайтах музеев и в социальных сетях политических партий они выглядят по-разному.

Отличие изоморфизма в том, что он предполагает встраивание в уже существующую систему [Voxenbaum, Jonsson 2017: 3] и, соответственно, много имитации. Это заметно на примере коммеморативных и других мнемонических практик в организациях — они часто повторяют практики других институтов (как государства, так и коллег) [Coraiola, Suddaby, Foster 2018; Coraiola et al. 2023: 36]. Почему так происходит? Организации становятся похожими друг на друга в результате разных механизмов давления [DiMaggio, Powell 1983; Voxenbaum, Jonsson 2017: 3]. Один из них связан с властными отношениями, политической и судебной сферами. В отечественных практиках требование ведения социальных сетей (для школ), написания регулярных финансовых отчётов (для НКО), фиксирования объёмов выдачи книг (для библиотек) — это примеры того, как государство унифицирует подчинёнными ему организации, принуждая их к стандартным практикам. Другой механизм — нормативные требования, которые часто связаны с профессиональной сферой. Например, от куратора выставки ожидают соответствующего образования и личных качеств (исследовательская этика и др.). В бизнесе нормативное давление распространяется на уровне крупных фирм [Voxenbaum, Jonsson 2017: 6]. Наконец, третий механизм — имитация — распространяется через коллег по полю, которых организации воспринима-

ют как похожих на себя и при этом авторитетных с профессиональной точки зрения. Имитация связана с неопределённостью и неуверенностью, которые порождают дискрецию.

Неоинституциональный подход продуктивен для исследований памяти, поскольку, с одной стороны, позволяет изучать схожесть организаций на разных уровнях, с другой, оставляет пространство для осмысления их различий. Некоторые из институтов памяти обладают агентностью, то есть возможностью не встраиваться в официальный дискурс, (не)использовать определённые практики и др. Дискреция в организациях может происходить по нескольким причинам: (1) наличие или отсутствие ресурсов; (2) институциональное давление; (3) действующие в организации стандарты; (4) интересы акторов. Например, школы могут интерпретировать административные предписания в выгодном для себя ключе, опираясь на личные представления, организационную культуру и доступные ресурсы [Wilkins 2002: 121]. Так, советские утренники в детских садах, посвящённые памятным революционным датам, проводились выборочно; их количество и контент зависели от возраста детей и имеющихся ресурсов (в том числе методических) [Костюхина 2017: 173]. Главной причиной дискреции, однако, остаётся общее состояние неопределённости в сферах, не охваченных предписаниями [Pfeffer, Salancik 1978; Goodrick, Salancik 1996: 1–2]. Предпосылки этой неопределённости можно сформулировать следующим образом [Goodrick, Salancik 1996: 4–5]: во-первых, когда определена цель, но неясны способы её достижения, организация самостоятельно останавливает свой выбор на одном из возможных способов действия. Если целью музея является привлечение новых посетителей, его администрация может принять решение о снижении стоимости билетов или, напротив, о её увеличении и сознательном превращении музея в элитарное место. В обоих случаях в музее появятся новые посетители, но из разных социальных групп. Во-вторых, некоторые причинно-следственные связи остаются непрояснёнными до конца, и в этом случае организация принимает на веру какой-либо из сценариев [Мейер, Роуэн 2011]. В-третьих, предпосылкой для дискреции является неочевидность институциональных ценностей, их недостаточная разработанность, что можно проиллюстрировать примерами из сферы культурного наследия: разные представления активистов и государственных органов приводили к тому, что пропадали здания, предметы искусства или документы.

Ресурсная зависимость

Теория ресурсной зависимости изучает рациональное поведение организаций, которые преследуют свои интересы, контролируют собственные ресурсы и взаимодействует с «соседями» по полю — коллегами, поставщиками, покупателями и др. [Pfeffer, Salancik 1978]. В основе этой теории предпосылки о значимости социального контекста, в котором действуют институты; выбираемые ими для преследования своих интересов стратегии, а также властные отношения в поле. В этом заключается отличительная черта подхода, позиция, согласно которой «*B* зависит от *A* в той степени, в какой *A* обладает властью над *B*» [Davis, Adam Cobb 2010: 23–24]. При этом *A* и *B* могут находиться в состоянии взаимозависимости, тогда оба будут обладать определённой степенью власти и нуждаться друг в друге [Davis, Adam Cobb 2010: 24]. Так, например, взаимоотношения между музеем и находящимся в нём сувенирным магазином: первый предоставляет помещение, иногда предлагает идеи и товары, права на использование логотипа музея при продаже репродукций, например; второй обеспечивают финансовый поток, иногда превышающий общую стоимость входных билетов. Программная работа по теории ресурсной зависимости посвящена исследованию разнообразных способов и форм взаимодействия организации с её окружением, механизмов получения и ограничения выгод [Pfeffer, Salancik 1978]. В эмпирических исследованиях ресурсной зависимости ключевой дихотомией выступает разделение институтов на частные и государственные, однако многообразие организаций и их стратегий гораздо выше [Tolbert 1985: 3].

Задачи административной структуры в том, чтобы обеспечивать стабильный приток ресурсов и регулировать отношения с внешним миром [Tolbert 1985: 1]. Именно поэтому теория ресурсной зависимости

уделяет много внимания роли менеджеров и других профессионалов; облик организации в той или иной среде определяют именно они. Власть менеджеров напрямую связана с успешностью управления имеющимися ресурсами, а их деятельность определяет значимые для организации процессы. Это заметно при сравнении моделей управления схожими институтами. Марлен Ларуэлль, например, пишет о разнообразии существующих в России молодёжных организаций, имеющих отношение к историко-патриотическому воспитанию [Laruelle 2015]. Одни из них действуют на базе школ, другие объединяются с религиозными, военными и прочими общественными организациями или образуют самостоятельные учреждения. Иногда занятия проходят бесплатно, иногда предполагают оплату разного объёма. Отличаются также условия занятости: это может быть местом для волонтёрской или дополнительной профессиональной нагрузки, а также социальным лифтом или способом зарабатывать деньги после потери предыдущего источника дохода (актуально для ветеранов локальных войн, которые часто работают в таких учреждениях после демобилизации) [Laruelle 2015: 11–12]. Каждое из условий, определяющих, как организация будет функционировать в дальнейшем, связано с наличием тех или иных ресурсов — финансовых, кадровых, методических, символических — и с выбором других участников поля.

Решения, которые принимают участники поля, могут меняться, что требует постоянной адаптации, и речь далеко не всегда идёт только о финансах. В области исторической политики и работы с памятью также могут происходить изменения, связанные с управленческими решениями. Как отмечают исследователи, со временем изменилась роль распространённого в советских школах поискового движения «Красные следопыты», занимавшегося поиском останков солдат и их захоронением, уходом за мемориальными комплексами, сбором и сохранением предметов, связанных с войной. Их деятельность была и краеведческой, и патриотической и, как и многие внеклассные движения того времени, охватывала не всех школьников, формируя, скорее, группы по интересам. Многочисленные находки «Красных следопытов» стали основой для школьных музеев и уголков боевой славы. Постепенно такие мемориальные места возникли даже в небольших населённых пунктах, где, порой, школьный музей был единственной местной достопримечательностью [Konkka 2021]. Поддержание деятельности музея стало важным символическим ресурсом, поэтому полевая работа «следопытов» постепенно заменялась на музейную [Konkka 2021]. Ещё одно изменение произошло со сменой политического строя. Сегодня поисковые экспедиции требуют гораздо больше ресурсов, прежде всего — финансовых, но и методических (изменилось отношение к поисковой работе, появились регламенты). Это занятие перешло из стихийно детского в организованное взрослое. Школьные музеи функционируют с давно собранным материалом, однако некоторые из них, в зависимости от наличия ресурсов, расширяют свои экспозиции, добавляя предметы, относящиеся к более поздним историческим событиям [Konkka 2021].

В условиях взаимозависимости организации могут действовать по-разному; например, находить альтернативные источники дохода [Davis, Adam Cobb 2010: 24]. Так организации, находящиеся на государственном обеспечении, которое оказывается для них недостаточным, увеличивают свой доход, внедряя платные услуги. Обратная ситуация — обращение частных организаций за государственной помощью (льгота, заём, кредитные каникулы и др.). Ещё одна стратегия — объединение с другими акторами (создание профессиональных ассоциаций) [Davis, Adam Cobb 2010: 24]. При этом ресурсы как таковые являются, скорее, отправной точкой изучения проблемы; исследователей интересует создаваемая зависимость и соответствующее ей распределение власти. Если рассматривать ресурсы в связке с расстановкой сил на примере институтов памяти, можно увидеть, как устанавливается лидерство точек зрения (доминирующий нарратив) и практик (коммемораций).

Организационная экология

В центре внимания экологических подходов — вопрос о причинах разнообразия организаций, формах их сосуществования, возникновении, изменения и умирания [Hannan, Freeman 1977: 936; Baum,

Shipilov 2006: 55]. Окружающая среда, в которой находится конкретная организация, состоит из нескольких уровней. На первом находится организация, на втором — популяция (собрание схожих по занятиям и ресурсам организаций), на третьем — сообщество (взаимодействие популяций, занимающихся разными задачами, но полезных друг другу) [Hannan, Freeman 1977: 936; Baum, Shipilov 2006: 55].

Изменения, которые проходит организация, можно свести к четырём понятиям: вариация (*variation*), выбор (*selection*), удержание (*retention*) и соревнование (*competition*) [Baum, Shipilov 2006: 56]. Вкратце эту схему можно объяснить так: в институции появляется новый руководитель, который более или менее осознанно привносит новые практики и принципы работы. Коллектив, опираясь на существующие представления, организационную культуру и успешность привнесённого, даёт этим практикам оценку и выбирает (опять же с разной степенью осознания) те из них, что продолжат существовать. Успешные практики удерживаются, для этого могут прилагаться дополнительные усилия. Результатом воплощения этих практик может стать конкуренция в организационном поле, и на этом этапе решение о принципах деятельности снова нужно будет пересмотреть, что возвращает к предыдущим пунктам. Важно отметить, что определить успешность того или иного решения и предугадать его последствия иногда практически невозможно; я сравнила бы это с непрекращающейся игрой в шахматы, где каждый ход меняет расстановку сил. Ещё одна проблема — неясность причинно-следственных связей, когда в случае успеха не получается определить его предпосылки [Baum, Shipilov 2006: 56].

Взаимодействие организаций также можно исследовать на нескольких уровнях [Carroll 1984: 72; Baum, Shipilov 2006: 57]. Первый такой пример — межорганизационный, обращающий внимание не только на институт, но и на связанных с ним индивидов. Второй — уровень демографии, на котором можно отслеживать возникновение и умирание организаций. В западной академии исследования институциональной смертности (*mortality*) часто связаны с образовательными учреждениями [Zapp, Dahmen 2023]. В контексте коллективной памяти этот подход можно было бы связать с коммеморативными проектами, возникающими в определённые исторические периоды, тесно зависящими от тенденций исторической политики и источников финансирования. На третьем уровне процессы, происходящие в одной популяции, влияют на другую. Социологи и культурологи отмечают изменение роли музеев: из элитарных учреждений, чьей целью было сохранение наследия, значимого для высших слоёв общества, они превратились в демократические институты [Misztal 2003: 21]. Идеологией современного музея стало просвещение, целью — привлечение посетителей разного возраста, социального происхождения и культурного бэкграунда. Современные музеи отличаются разнообразием нарративов, направленность на эмоциональную составляющую восприятия (солидаризация и эмпатия), внимание к индивидуальному опыту представителей разных социальных групп, вариативность сопровождения объектов (тексты, экскурсии и прочие пояснения) [Andermann, Arnold-de Simine 2012: 2]. Всё это следствие нескольких явлений, произошедших в соседних организационных популяциях: технологические изменения; запрос со стороны публики; деятельность PR-специалистов, кураторов и др. Четвёртый уровень относится к существованию организационного сообщества, его устойчивости в условиях изменений, происходящих в популяциях. Здесь можно продолжить пример с финансированием коммеморативных инициатив. Законодательные ограничения деятельности фондов угрожают как самим фондам, так и подопечным НКО; в результате организационное сообщество, объединённое интересом к той или иной теме (сохранение памяти о репрессиях, например), может перестать существовать.

В отличие от других организационных теорий, экологический подход нечасто, но всё же применяется к исследованиям коллективной памяти. Во-первых, он повлиял на становление исследований организационной памяти: вспомним тезис о том, что организации учитывают опыт происходящих с ними изменений, что имеет как положительные, так и отрицательные последствия (повторение успешных стратегий может приводить к стагнации) [Baum, Shipilov 2006: 56]. Во-вторых, экологические метафоры продуктивны для работы с историческим материалом, они позволяют рассматривать идеоло-

гические позиции организаций как источник конфликта или ресурс. Исследование газет, издаваемых в период подъёма национал-социализма в Австрии, показало, что издания со схожей политической направленностью находились в большем противостоянии и конкуренции, чем оппозиционные друг другу, поскольку имели близкую аудиторию, но неполную идеологическую солидарность [Barnett, Wooywode 2004]. Это соотносится с одной из моделей легитимации, существующей в экологических теориях и объясняющей взаимодействие схожих институтов в одной нише [Hannan, Freeman 1989].

Экологический подход актуален и для исследования коммеморативных практик в разных организационных контекстах. Так, Д. Альдерман изучал, как американские школы используют имя Мартина Лютера Кинга в своём названии. Он искал связь между организационными характеристиками учебного заведения и фактом переименования и обнаружил, что большинство учреждений, назвавших себя в честь Мартина Лютера Кинга, находятся в северных и западных штатах; чаще всего это начальные и средние школы [Alderman 2002: 603–604]. Переименование школ — административная задача, требующая работы руководства, попечительского и (или) родительского комитета. Большое значение имеет и мнение общественности: школы воспринимаются как важнейшие агенты детской социализации, а их функционирование непосредственно обеспечивается местными налогоплательщиками. Наименование учреждения тем или иным образом — это коммеморативная практика, отсылающая к местным или национальным коллективным представлениям. Разнообразие и зачастую противостояние этих представлений делает школы аренами обсуждений, столкновения интересов и потенциальных конфликтов [Alderman 2002: 604–605], а значит, их можно рассматривать с точки зрения организационной экологии. Интересным примером здесь будет описанная разница восприятий одной и той же практики в разных учреждениях: если одни воспринимали переименование школы как продвижение идей демократии и справедливости, то другие считали, что это делает идентичность школы преимущественно афроамериканской [Alderman 2002: 607].

Как следствие цифровизации и радикальных изменений в том, как мы потребляем и производим информацию, исследователи вводят понятие «коннективная память» (*connective memory*) [Hoskins 2011]. Для исследований памяти так называемый коннективный поворот стал альтернативой устоявшимся дихотомиям («индивидуальное — коллективное» и др.), поскольку он предполагает постоянную «перекалибровку времени, пространства (места) и памяти людьми и технологиями <...> включёнными в разнообразные социальные сети» [Hoskins 2011: 29]. Этот подход обращает внимание на взаимодействие индивида и групп, на взаимодействие с историей как «в реальном времени», то есть с использованием технологий, так и более привычным образом — через архивы, музеи, библиотеки и др. Память, таким образом, будет трансформироваться при каждом взаимодействии и зависеть от индивида, способа передачи информации, института и др. [Ekelund 2023: 1]. Коннективная память близка экологическому подходу в исследованиях организаций, поскольку учитывает разнообразие инструментов её передачи. Этот подход, на мой взгляд, позволит исследовать более широкие контексты, в которых формируется и передаётся историческая память, что соответствует пониманию поля. В целом концепция коннективной памяти может использоваться как методологическая оптика или аналитический инструмент, в том числе для изучения столкновения и конфликта между идеями [Ekelund 2023: 1].

Современные исследователи используют синтетический концепт — «экологию мнемонических сообществ» [Coraiola, Suddaby, Foster 2018; Coraiola et al. 2023]. Этот подход связан с экологией организаций в самом широком смысле, он учитывает взаимодействия сообществ на разных уровнях и изменения, которые происходят внутри. Таким образом, можно исследовать деятельность, связанную с разными формами памяти, внутри мнемонических сообществ и между ними. Вкратце её можно описать как память, представление (*representing*) и забвение [Coraiola et al. 2023: 14], то есть как сохранение памяти, переложение её в нарратив и формирование соответствующей коммеморативной практики. Каждый из этих этапов влияет на организационную культуру. Представление памяти связано с процессами исто-

ризации (формирование архива), кураторства (выставки и прочие проекты) и образования ритуала. Представление наиболее распространено в организациях с долгой историей. Некоторые институции устраивают временные или постоянные экспозиции, посвящённые собственной истории. Иногда исторических пластов несколько: в одном здании могут быть памятные таблички, отсылающие к разным историческим периодам (что особенно интересно на примере постсоветских государств, в которых быстро сменяются эпохи). Ритуалы в давно существующих институциях работают на поддержание идентичности и даже социальной структуры [Dacin, Munir, Tracey 2010]. Наконец, забвение в мнемонических сообществах может выражаться в отказе от определённых воспоминаний, их подавлении или отстранении от них (*dissociating*) [Coraiola et al. 2023: 23]. В этом случае речь идёт об информации, малоактуальной или вредной для организации на текущем этапе её существования [Misztal 2003: 20]. В эту категорию попадают сведения и о недолго проработавших сотрудниках, и об идеологически невыгодных временных периодах. Если вычеркнуть прошлое не получается, от него можно частично отстраниться, преуменьшив, например, свою роль в тех или иных событиях [Booth et al. 2007: 626].

Перспективы дальнейших исследований

Изоморфные структуры и практики

Если рассматривать институты исторической памяти как акторов в организационном поле, можно проследить возникновение изоморфных структур (образовательные программы, должности, аттестации) и практик (коммеморативные ритуалы, способы празднования и горевания). Российское мнемоническое поле предлагает разнообразные данные для исследований в этом ключе: бюджетные организации ведут подробную отчётность (в том числе в социальных сетях). Сопоставив эти данные с организационными характеристиками, можно разработать классификацию по нужному признаку и даже делать предсказания.

Политико-идеологическое направление

Одно из возможных направлений дальнейшего синтеза организационной теории и исследований памяти — это изучение социальных движений в терминах институциональных логик [Friedland, Alford 1991], что позволит рассматривать политические идеологии как часть организационной культуры, анализировать коммеморации с институциональных позиций [Saito, Wang 2014: 170] и, например, находить такие конструкции, как «борьба с фальсификацией истории» или «осмысление трудного прошлого». Исследователи коллективной памяти и социологи организаций могут совместно работать над темами мемориального пространства (например, соотношение власти и контроля с темой смерти в музее) [Cutcher et al. 2016: 3–4], географических границ и глобализации [Coraiola et al. 2023: 51].

Исследования маргинализированных групп

Институциональная память становится эмоционально и содержательно гомогенной (на фоне доминирующего нарратива снижается внимание к сторонним сюжетам) [Ассман 2016: 26]. Память отдельных людей или социальных групп может размываться и, если использовать школьную метафору, приобретать факультативное значение. Та часть истории, которая не попадает в нарративы музеев, просветительских проектов или образовательные программы, оказывается на периферии. Кроме того, среди форм взаимодействия сообществ есть систематическая власть — источник дискриминации по гендерному или расовому признаку. Так образуется коллективная память маргинализированных групп. Её можно изучать с двух сторон: как сопротивление доминирующему нарративу и как продвижение собственного [Coraiola et al. 2023: 31].

Эмоции в организациях

Восприятие ритуалов коллективной памяти разнообразно: одни вызывают бурные споры (коммеморации погибших общественных деятелей) [Громов 2017], другие воспринимаются как нечто фоновое и нейтральное (позднесоветские производственные демонстрации). Это разнообразие потенциально полезно для исследователей, поскольку речь идёт об эмоциональной составляющей практик и производстве смыслов. К тому же внимание к эмоциям превратит замкнутый круг, при котором ритуалы памяти изучаются вне их рецепции [Kansteiner 2002: 179].

Исследования организационной культуры и профессиональных групп

Создание, воспроизводство и поддержание коллективной памяти можно рассматривать как работу: например, можно говорить о профессионализации коммеморации [Олик 2012: 51] в определённые исторические периоды. Профессиональные мнемонические сообщества разнообразны, к ним можно отнести как государственные архивы, так и организованные социальные движения или мемориальные семейные собрания. Способ администрирования этих институтов, работа профессионалов и организационная культура, вероятно, будут отличаться в зависимости от типологии мнемонических сообществ, которую ещё предстоит разработать), и это ещё одно направление для будущих исследований [Rowlinson et al. 2010; Coraiola et al. 2023: 43–44].

Заключение

Замечание Э. Зерубавеля о том, что коллективная память мнемонического сообщества больше, чем сумма памяти всех его участников [Zerubavel 1996: 291], справедливо и для организации, которая живёт и действует не только как собрание занятых в ней профессионалов. Организационная идентичность и коллективная память как понятия объединены тем, что они сконструированы — исторически и социально [Anteby, Molnar 2012: 517].

Схожими являются и академические траектории исследований памяти и организационной теории. Э. Зерубавель рассуждает о том, как назначение Огюста Конта отцом-основателем социологии имплицитно отсекает предшественников в глазах студентов [Zerubavel 1996: 287]. Исследования памяти находятся в ещё более затруднительной ситуации: не имеющие собственной дисциплинарной ниши и кочующие в диапазоне от психологии до литературоведения, они перепроизводятся в каждом новом академическом поле, в которое попадают; их отцы-основатели, методы и тенденции каждый раз назначаются заново. Организационная теория может оказаться полезной в том числе потому, что сама находится в схожей ситуации (с точки зрения картирования наук), однако за счёт проработанных теорий и методологических дизайнов гораздо более устойчива к критике.

В чём преимущества синтеза описанных теорий? Во-первых, вдумчивая работа с предложенными теориями позволяет прояснить терминологическую путаницу, очевидную для всех, кто попытается искать тексты с помощью ключевых слов — *organization*, *institution* и *memory*. Все упомянутые в этом обзоре концепции можно рассматривать во множественном числе, что порождает непонимание и затрудняет обмен знаниями. «Институты» в исследованиях памяти и «институты» в организационной теории — это не омонимы и не случайное совпадение, но разные подходы к родственным сюжетам. Разобраться с этими понятиями и картировать их — важная задача, поскольку она обогатит оба направления и облегчит вход в тему для новых исследователей.

Во-вторых, организационная теория социологизирует исследования памяти. Подавляющее большинство существующих текстов по теме *memory studies* распадается на две категории: (1) подробные опи-

сания кейсов; (2) теоретизирование (в том числе социологическое). Организационная социология тоже обладает организационной культурой². В этой дисциплине принято взвешенное соотношение теории и эмпирики. Исследования, выполненные с использованием этих подходов, позволят сопоставить теоретические находки из обеих дисциплин.

Кроме того, работа в организационной парадигме позволит создать новые классификации и развить понятийный аппарат, что значимо для любой науки, в особенности для такой молодой, как *memory studies*. Например, мы сможем говорить не только о «памяти о Второй мировой войне», но и о «памяти школ» или «памяти маргинализованных групп». Точно также мы сможем рассматривать память бюрократических учреждений и бизнеса, городских и сельских организаций и др.

Для социологии организаций обращение к теме коллективной памяти и новым данным может оказаться продуктивным: Сбор и сравнительный анализ сведений, относящихся к коллективной памяти, требуют тонких методологических настроек: это потенциально сенситивные интервью, сведения из социальных сетей, которые могут отвечать совсем не на запланированные исследовательские вопросы, политические риски и др. Для исследований организаций, которые часто основываются на кабинетной работе с документами, это будет интересной методологической задачей.

Данный обзор имеет несколько естественных ограничений. Во-первых, он не претендует на полноту (в статье приводится ссылка на метаобзор по одной из тем), а стремится обозначить общие направления. Во-вторых, в статье вынужденно кратко описаны подходы организационной теории и кратко же сформулированы постулаты этих подходов, без учёта дебатов, продолжающихся в этой сфере. Некоторые из потенциально продуктивных подходов в тексте не упомянуты: так, я не рассматривала сетевой анализ и довольно косвенно описала исследования бюрократий. Надеюсь, что эти ограничения станут поводом для дискуссии и дальнейшего развития темы.

Литература

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества*. М.: Кучково поле.

Архипова А. et al. 2017. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы. *Антропологический форум*. 33: 84–122.

Ассман А. 2016. *Новое недовольство мемориальной культурой*. Перев. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое Литературное обозрение.

Ассман А. 2018. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. Перев. с нем. Б. Хлебников. Изд. 2-е. М.: Новое Литературное обозрение.

Ассман А. 2019. *Забвение истории — одержимость историей*. Перев. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое Литературное обозрение.

Васильев А. 2012. Memory studies: единство парадигмы-многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти). *Новое Литературное обозрение*. 5: 461–480.

Громов Д. 2017. Немцов мост как место символической интеракции. *Антропологический форум*. 32: 171–200.

² Исследования памяти как академическая область тоже могут быть рассмотрены с использованием организационных подходов: они производятся в разных полях [Олик 2012: 47], с потенциально разным набором ресурсов, ритуалов и культурой.

- Костюхина М. С. 2017. Октябрьский сценарий в детском саду. *Детские чтения*. 12 (2): 173–183.
- Малинова О. Ю. 2017. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 4 (87): 6–22.
- Малинова О. Ю. 2019. Политика памяти как область символической политики. *МЕТОД: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 9: 285–312.
- Мейер Д., Роуэн Б. 2011. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал. *Экономическая социология*. 12 (1): 43–67. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259551850/ecsoc_t12_n1.pdf#page=43
- Миллер А. И. 2019. Рост значимости институционального фактора в политике памяти-причины и последствия. *Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 3 (94): 87–102.
- Олик Д. 2012. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*. 11 (1): 40–74.
- Сафронова Ю. А. 2018. Третья волна *memory studies*: двадцать три года против шерсти. *Политическая наука*. 3: 12–27.
- Ailon-Souday G., Kunda G. 2003. The Local Selves of Global Workers: The Social Construction of National Identity in the Face of Organizational Globalization. *Organization Studies*. 24 (7): 1073–1096.
- Akgün A. E., Keskin H., Byrne J. 2012. Organizational Emotional Memory. *Management Decision*. 50 (1): 95–114.
- Alderman D. H. 2002. School Names as Cultural Arenas: The Naming of US Public Schools after Martin Luther King, Jr. *Urban Geography*. 23 (7): 601–626.
- Andermann J., Arnold-de Simine S. 2012. Museums and the Educational Turn: History, Memory, Inclusivity. *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 4 (2): 1–7.
- Anteby M., Molnar V. 2012. Collective Memory Meets Organizational Identity: Remembering to Forget in a Firm's Rhetorical History. *Academy of Management Journal*. 55 (3): 515–540.
- Barnett W. P., Woywode M. 2004. From Red Vienna to the Anschluss: Ideological Competition among Viennese Newspapers during the Rise of National Socialism. *American Journal of Sociology*. 109 (6): 1452–1499.
- Baum J. A., Oliver C. 1992. Institutional Embeddedness and the Dynamics of Organizational Populations. *American Sociological Review*. 57 (4): 540–559. Baum J. A. C., Shipilov A. 2006. Ecological Approaches to Organizations. In: Clegg S. et al. (eds). *Sage Handbook for Organization Studies*. London: Sage Publications Ltd; 55–110.
- Berkovich I., Eyal O. 2018. Feelings, Moods, and Emotion in Schools: Affective Perspectives. In: Connolly M. et al. (eds) *The SAGE Handbook of School Organization*. London: SAGE Publications Ltd; 210–227.

- Bernhard M. H., Kubik J. (eds). 2014. *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press.
- Booth C. et al. 2007. Accounting for the Dark Side of Corporate History: Organizational Culture Perspectives and the Bertelsmann Case. *Critical Perspectives on Accounting*. 18 (6): 625–644.
- Boxenbaum E., Jonsson S. 2017. Isomorphism, Diffusion and Decoupling: Concept Evolution and Theoretical Challenges. In: Greenwood R. et al. (eds) *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*. 2nd edn. London: SAGE Publications Ltd; 77–101.
- Carroll G. R. 1984. Organizational Ecology. *Annual Review of Sociology*. 10 (1): 71–93.
- Connerton P. 1989. *How Societies Remember*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Conway B. 2010. New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration. *Sociology Compass*. 4 (7): 442–453.
- Coraiola D. M. et al. 2023. Ecologies of Memories: Memory Work Within and Between Organizations and Communities. *Academy of Management Annals*. 17 (1): 373–404.
- Coraiola D., Suddaby R., Foster W. M. 2018. Organizational Fields as Mnemonic Communities. In: Glückler J., Suddaby R., Lenz R. (eds) *Knowledge and Institutions*. Cham, Switzerland: Springer Open; 45–68.
- Cutcher L. et al. 2016. Spaces and Places of Remembering and Commemoration. *Organization*. 23 (1): 3–9.
- Dacin M. T., Munir K., Tracey P. 2010. Formal Dining at Cambridge Colleges: Linking Ritual Performance and Institutional Maintenance. *Academy of Management Journal*. 53 (6): 1393–1418.
- Davis G. F., Adam Cobb J. 2010. Chapter 2. Resource Dependence Theory: Past and Future. In: Bird Schoonhoven C., Dobbin F. (eds) *Stanford's Organization Theory Renaissance, 1970–2000 (Research in the Sociology of Organizations, vol. 28)*. Leeds: Emerald Group Publishing Limited; 21–42. URL: [https://doi.org/10.1108/S0733-558X\(2010\)0000028006](https://doi.org/10.1108/S0733-558X(2010)0000028006)
- Decker S. 2014. Solid Intentions: An Archival Ethnography of Corporate Architecture and Organizational Remembering. *Organization*. 21 (4): 514–542.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. 48 (2): 147–160.
- Dimopoulos K., Tsami M. 2018. Greek Primary School Websites: The Construction of Institutional Identities in a Highly Centralized System. *Leadership and Policy in Schools*. 17 (4): 397–421.
- Eisenman M., Frenkel M. 2021. Remembering materiality: A Material–Relational Approach to Organizational Memory. *Organization Theory*. 2 (3). URL: <https://doi.org/10.1177/26317877211029666>
- Ekelund R. 2023. Connective Memory. In: Bietty L. M., Pogacar M. (eds) *The Palgrave Encyclopedia of Memory Studies*. Cham: Springer International Publishing; 1–5.
- Feindt G. et al. 2014. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies. *History and Theory*. 53 (1): 24–44.

- Friedland R., Alford R. 1991. Bringing Society Back In: Symbols, Practices, and Institutional Contradictions. In: Powell W. W, DiMaggio P. J. (eds) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago, IL: University of Chicago Press; 232–263.
- Giesen B., Eisenstadt S. N. 2015. *Triumph and Trauma*. London: Routledge.
- Goodrick E., Salancik G. R. 1996. Organizational Discretion in Responding to Institutional Practices: Hospitals and Cesarean Births. *Administrative Science Quarterly*. 41 (1): 1–28.
- Hannan M. T., Freeman J. 1977. The Population Ecology of Organizations. *American Journal of Sociology*. 82 (5): 929–964.
- Hannan M. T., Freeman J. 1989. *Organizational Ecology*. Cambridge: Harvard University Press.
- Harris K. L. 2017. Re-Situating Organizational Knowledge: Violence, Intersectionality and the Privilege of Partial Perspective. *Human Relations*. 70 (3): 263–285.
- Hirsch M., Smith V. 2002. Feminism and Cultural Memory: An Introduction. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 28 (1): 1–19.
- Hoskins A. 2011. Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn. *Parallax*. 17 (4): 19–31.
- Jedlowski P. 2001. Memory and Sociology: Themes and Issues. *Time & Society*. 10 (1): 29–44.
- Kansteiner W. 2002. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*. 41 (2): 179–197.
- Konkka O. 2021. Teaching and Remembering the Great Patriotic War in Soviet Schools. In: Hoffmann D. L. (ed) *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge; 86–106.
- Lahiri M., Bhandarker A., Behrens A. 2021. Organizational Memory and Institution Theory: A Postcolonial Perspective. *Thunderbird International Business Review*. 63 (4): 487–501.
- Laruelle M. 2015. Patriotic Youth Clubs in Russia. Professional Niches, Cultural Capital and Narratives of Social Engagement. *Europe-Asia Studies*. 67 (1): 8–27.
- Levitt B., March J. G. 1988. Organizational Learning. *Annual Review of Sociology*. 14 (1): 319–338.
- Linde C. 2009. *Working the Past: Narrative and Institutional Memory*. New York: Oxford University Press.
- Misztal B. 2003. *Theories of Social Remembering*. Maidenhead, UK: McGraw-Hill Education.
- Nissley N., Casey A. 2002. The Politics of the Exhibition: Viewing Corporate Museums through the Paradigmatic Lens of Organizational Memory. *British Journal of Management*. 13 (2): S35–S45.
- Olick J. K. 1999. Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*. 17 (3): 333–348.
- Pfeffer J., Salancik G. R. 1978. *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*. New York: Harper Row.

- Rowlinson M. et al. 2010. Social Remembering and Organizational Memory. *Organization Studies*. 31 (1): 69–87.
- Saito H. 2010. From Collective Memory to Commemoration. In: Grindstaff L. et al. (eds) *Handbook of Cultural Sociology*. London: Routledge; 629–638.
- Saito H., Wang Y. 2014. Competing Logics of Commemoration: Cosmopolitanism and Nationalism in East Asia's History Problem. *Sociological Perspectives*. 57 (2): 167–185.
- Sierra-Arévalo M. 2019. The Commemoration of Death, Organizational Memory, and Police Culture. *Criminology*. 57 (4): 632–658.
- Tolbert P. S. 1985. Institutional Environments and Resource Dependence: Sources of Administrative Structure in Institutions of Higher Education. *Administrative Science Quarterly*. 30 (1): 1–13.
- Walsh J. P., Ungson G. R. 1991. Organizational Memory. *Academy of Management Review*. 16: (1): 57–91.
- Walsh J. P., Ungson G. R. 2009. Organizational Memory. In: Prusak L. (ed) *Knowledge in Organisations*. London: Routledge: 177–212.
- Wilkins R. 2002. Schools as Organisations: Some Contemporary Issues. *International Journal of Educational Management*. 16 (3): 120–125.
- Zamanou S., Glaser S. R. 1994. Moving toward Participation and Involvement: Managing and Measuring Organizational Culture. *Group Organization Management*. 19 (4): 475–503.
- Zapp M., Dahmen C. 2023. Live and (Let) Die—Shifting Legitimacies and Organizational Mortality in American Higher Education, 1944–2018. *Social Problems*. Spad001. URL: <https://doi.org/10.1093/socpro/spad001>
- Zerubavel E. 1996. Social Memories: Steps to a Sociology of the Past. *Qualitative Sociology*. 19: 283–299.

PROFESSIONAL REVIEWS

Anna Kolotovkina

Institutions of the Past: The Potential of Organizational Theory in Collective Memory Studies

KOLOTOVKINA, Anna —

PhD student at the Faculty of Sociology of the European University in St. Petersburg; Junior researcher at the Laboratory of Digital Research of Literature and Folklore of the Institute of Russian Literature (Pushkin House). Address: 199034, 4 Makarova Embankment, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: annykolotovkina@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the potential of organizational theory in memory studies. The existing approaches to the study of themes at the intersection of historical memory and organizations are noted. Firstly, this is the institutional approach in memory studies, which is characterized by a thorough description of individual cases but a lack of comparison, as well as a narrow understanding of what can be considered an institution of memory. Secondly, there are organizational memory studies (OMS), which are aimed primarily at studying the formation and reproduction of the history of specific organizations and which lack attention to the theoretical findings of memory studies. The main weakness of the described methodological solutions is their weak theoretical and disciplinary permeability, which leads to parallel research work in areas that are little interested in each other.

An alternative methodological move may be the application of the sociology of organizations to studies of museums, archives, educational institutions, and other mnemonic actors. The article examines three key areas of organizational sociology: new institutionalism (focusing on isomorphism, decoupling, and organizational discretion), resource dependence theory, and organizational ecology. The approaches described are illustrated by examples from empirical studies on collective memory, as well as cases relevant to social and historical research. It is noted that organizational theory can be used to analyze commemorative practices, (re)production of identity, and relations with the state. It helps explain variations in practices across institutions, links established organizational traditions with their actions in the present, and typologizes organizations on new grounds.

Keywords: memory institutions; collective memory; organizational ecology; isomorphism; discretion; resource dependence; mnemonic actors; commemorative practices.

References

- Ailon-Souday G., Kunda G. (2003) The Local Selves of Global Workers: The Social Construction of National Identity in the Face of Organizational Globalization. *Organization studies*, vol. 24, no 7, pp. 1073–1096.
- Akgün A. E., Keskin H., Byrne J. (2012) Organizational Emotional Memory. *Management Decision*, vol. 50, no 1, pp. 95–114.
- Alderman D. H. (2002) School Names as Cultural Arenas: The Naming of US Public Schools after Martin Luther King, Jr. *Urban Geography*, vol. 23, no 7, pp. 601–626.

- Andermann J., Arnold-de Simine S. (2012) Museums and the Educational Turn: History, Memory, Inclusivity. *Journal of Educational Media, Memory, and Society*, vol. 4, no 2, pp. 1–7.
- Anderson B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities], Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).
- Anteby M., Molnar V. (2012) Collective Memory Meets Organizational Identity: Remembering to Forget in a Firm's Rhetorical History. *Academy of Management Journal*, vol. 55, no 3, pp. 515–540.
- Arhipova A., Doronin D., Kirzyuk A., Radchenko D., Sokolova A., Titkov A., Yugay E. (2017) Voyna kak prazdnik, prazdnik kak voyna: perphormativnaya kommemoratsiya Dnya Pobedy [War as Festival, Festival as War: Performative Commemoration of Victory Day]. *Forum for Anthropology and Culture = Antropologicheskij forum*, no 33, pp. 84–122 (in Russian).
- Assmann A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention], Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (in Russian).
- Assmann A. (2018) *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik], Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (in Russian).
- Assmann A. (2019) *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriej* [Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit: Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945], Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (in Russian).
- Barnett W. P., Woywode M. (2004) From Red Vienna to the Anschluss: Ideological Competition among Viennese Newspapers during the Rise of National Socialism. *American Journal of Sociology*, vol. 109, no 6, pp. 1452–1499.
- Baum J. A., Oliver C. 1992. Institutional Embeddedness and the Dynamics of Organizational Populations. *American Sociological Review*, vol. 57, no 4, pp. 540–559.
- Baum J. A. C., Shipilov A. (2006) Ecological Approaches to Organizations. *Sage Handbook for Organization Studies* (eds. S. Clegg, C. Hardy, T. Lawrence, W. Nord, London: SAGE Publications Ltd, pp. 55–110.
- Berkovich I., Eyal O. (2018) Feelings, Moods, and Emotion in Schools: Affective Perspectives. *The SAGE Handbook of School Organization* (eds. M. Connolly, D. H. Eddy-Spicer, Ch. James, Sh. D. Kruse), London: SAGE Publications Ltd, pp. 210–227.
- Bernhard M. H., Kubik J. (eds) (2014). *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*, Oxford: Oxford University Press.
- Boxenbaum E., Jonsson S. 2017. Isomorphism, Diffusion and Decoupling: Concept Evolution and Theoretical Challenges. *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism* (eds. R. Greenwood, Ch. Oliver, T. Lawrence, R. Meyer), 2nd edn., London: SAGE Publications Ltd, pp. 77–101.
- Carroll G. R. (1984) Organizational Ecology. *Annual Review of Sociology*, vol. 10, no 1, pp. 71–93.
- Connerton P. (1989) *How Societies Remember*, Cambridge; New York: Cambridge University Press.

- Conway B. (2010) New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration. *Sociology Compass*, vol. 4, no 7, pp. 442–453.
- Coraiola D. M., Foster W. M., Mena S., Foroughi H., Rintamäki J. (2023) Ecologies of Memories: Memory Work Within and Between Organizations and Communities. *Academy of Management Annals*, vol. 17, no 1, pp. 373–404.
- Coraiola D., Suddaby R., Foster W. M. (2018) Organizational Fields as Mnemonic Communities. *Knowledge and Institutions* (eds. J. Glückler, R. Suddaby, R. Lenz), Cham, Switzerland: Springer Open, pp. 45–68.
- Cutcher L., Dale K., Hancock P., Tyler M. (2016) Spaces and Places of Remembering and Commemoration. *Organization*, vol. 23, no 1, pp. 3–9.
- Dacin M. T., Munir K., Tracey P. (2010). Formal Dining at Cambridge Colleges: Linking Ritual Performance and Institutional Maintenance. *Academy of Management Journal*, vol. 53, no 6, pp. 1393–1418.
- Davis G. F., Adam Cobb J. (2010) Chapter 2. Resource Dependence Theory: Past and Future. *Stanford's Organization Theory Renaissance, 1970–2000 (Research in the Sociology of Organizations, vol. 28)*. (eds. C. Bird Schoonhoven, F. Dobbin), Leeds: Emerald Group Publishing Limited, pp. 21–42. Available at: [https://doi.org/10.1108/S0733-558X\(2010\)0000028006](https://doi.org/10.1108/S0733-558X(2010)0000028006) (accessed 26 October 2024).
- Decker S. (2014) Solid Intentions: An Archival Ethnography of Corporate Architecture and Organizational Remembering. *Organization*, vol. 21, no 4, pp. 514–542.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, vol. 48, no 2, pp. 147–160.
- Dimopoulos K., Tsami M. (2018) Greek Primary School Websites: The Construction of Institutional Identities in a Highly Centralized System. *Leadership and Policy in Schools*, vol. 17, no 4, pp. 397–421.
- Eisenman M., Frenkel M. (2021). Remembering Materiality: A Material–Relational Approach to Organizational Memory. *Organization Theory*, vol. 2, no 3. Available at: <https://doi.org/10.1177/26317877211029666> (accessed 26 October 2024).
- Ekelund R. (2023) Connective Memory. *The Palgrave Encyclopedia of Memory Studies* (L.M. Bietty, M. Pogacar), Cham: Springer International Publishing, pp. 1–5.
- Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimçev R. (2014) Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies. *History and Theory*, vol. 53, no 1, pp. 24–44.
- Friedland R., Alford R. (1991) Bringing Society Back In: Symbols, Practices, and Institutional Contradictions. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (eds. W. W. Powell, P. J. DiMaggio), Chicago, IL: University of Chicago Press, pp. 232–263.
- Giesen B., Eisenstadt S. N. (2015) *Triumph and Trauma*, London: Routledge.
- Goodrick E., Salancik G. R. (1996). Organizational Discretion in Responding to Institutional Practices: Hospitals and Cesarean Births. *Administrative Science Quarterly*, vol. 41, no 1, pp. 1–28.

- Gromov D. (2017) Nemcov most kak mesto simvolicheskoy interakcii [Nemtsov Bridge as a Place of Symbolic Interaction]. *Forum for Anthropology and Culture = Antropologicheskij forum*, no 32, pp. 171–200 (in Russian).
- Hannan M. T., Freeman J. (1977) The Population Ecology of Organizations. *American Journal of Sociology*, vol. 82, no 5, pp. 929–964.
- Hannan M. T., Freeman J. (1989) *Organizational Ecology*, Cambridge: Harvard University Press.
- Harris K. L. (2017). Re-Situating Organizational Knowledge: Violence, Intersectionality and the Privilege of Partial Perspective. *Human Relations*, vol. 70, no 3, pp. 263–285.
- Hirsch M., Smith V. (2002) Feminism and Cultural Memory: An Introduction. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 28, no 1, pp. 1–19.
- Hoskins A. (2011) Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn. *Parallax*, vol. 17, no 4, pp. 19–31.
- Jedlowski P. (2001) Memory and Sociology: Themes and Issues. *Time & Society*, vol. 10, no 1, pp. 29–44.
- Kansteiner W. (2002) Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*, vol. 41, no 2, pp. 179–197.
- Konkka O. (2021) Teaching and Remembering the Great Patriotic War in Soviet schools. *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. D. L. Hoffmann), London: Routledge, pp. 86–106.
- Kostyuhina M. S. (2017) Oktyabr'skij scenarij v detskom sadu [The October Script for Preschoolers]. *Children's Readings = Detskie chteniya*, vol. 12, no 2, pp. 173–183 (in Russian).
- Lahiri M., Bhandarker A., Behrens A. (2021) Organizational Memory and Institution Theory: A Postcolonial Perspective. *Thunderbird International Business Review*, vol.63, no 4, pp. 487–501.
- Laruelle M. (2015) Patriotic Youth Clubs in Russia. Professional Niches, Cultural Capital and Narratives of Social Engagement. *Europe-Asia Studies*, vol. 67, no 1, pp. 8–27.
- Levitt B., March J. G. (1988) Organizational Learning. *Annual Review of Sociology*, vol. 14, no 1, pp. 319–338.
- Linde C. (2009) *Working the Past: Narrative and Institutional Memory*, New York: Oxford University Press.
- Malinova O. Yu. (2017) Kommemoratsiya istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Politics: Opportunities of Comparative Analysis]. *Politeia: The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics = Politeia: analiz, hronika, prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, no 4 (87), pp. 6–22 (in Russian).
- Malinova O. Yu. (2019) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics]. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies = METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih disciplin*, iss. 9, pp. 285–312 (in Russian).

- Meyer J., Rowan B. (2011) *Institutsionalizirovannye organizatsii: phormal'naya struktura kak miph i tseremonial* [Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 12, no 1, pp. 43–67. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259551850/ecsoc_t12_n1.pdf#page=43 (accessed 26 October 2024) (in Russian).
- Miller A. I. (2019) Rost znachimosti institutsional'nogo phaktora v politike pamyati-prichiny i posledstviya [Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory — Causes and Implications]. *Politeia: The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics = Politeia: analiz, hronika, prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, no 3 (94), pp. 87–102 (in Russian).
- Misztal B. (2003) *Theories of Social Remembering*, Maidenhead, UK: McGraw-Hill Education.
- Nissley N., Casey A. (2002) The Politics of the Exhibition: Viewing Corporate Museums through the Paradigmatic Lens of Organizational Memory. *British Journal of Management*, vol. 13, no 2, pp. 35–45.
- Olick J. K. (1999) Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*, vol. 17, no 3, pp. 333–348.
- Olick J. K. (2012) Phiguratsii pamyati: protsess-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated on the German Case]. *Russian Sociological Review = Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no 1, pp. 40–74 (in Russian).
- Pfeffer J., Salancik G. R. (1978) *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*, New York: Harper Row.
- Rowlinson M., Booth C., Clark P., Delahaye A., Procter S. (2010) Social Remembering and Organizational Memory. *Organization Studies*, vol. 31, no 1, pp. 69–87.
- Safronova Yu. A. (2018) Tret'ya volna memory studies: dvadtsat' tri goda protiv shersti [The Third Wave of Memory Studies: Going against the Grain for Twenty-Three Years]. *Political Science (RU) = Politicheskaya nauka*, no 3, pp. 12–27 (in Russian).
- Saito H. (2010) From Collective Memory to Commemoration. *Handbook of Cultural Sociology* (eds. L. Grindstaff, M.-Ch. Lo, J. R. Hall), London: Routledge, pp. 629–638.
- Saito H., Wang Y. (2014) Competing Logics of ommemoration: Cosmopolitanism and Nationalism in East Asia's History Problem. *Sociological Perspectives*, vol. 57, no 2, pp. 167–185.
- Sierra-Arévalo M. (2019) The Commemoration of Death, Organizational Memory, and Police Culture. *Criminology*, vol. 57, no 4, pp. 632–658.
- Tolbert P. S. (1985) Institutional Environments and Resource Dependence: Sources of Administrative Structure in Institutions of Higher Education. *Administrative Science Quarterly*, vol. 30, no 1, pp. 1–13.
- Vasiliev A. (2012) Memory studies: edinstvo paradigmy-mnogoobrazie obektov (Obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory Studies: The Unity of Paradigms-Many Objects (A Review of English-Language Books on the Historical Memory)] *New Literary Review = Novoe Literaturnoe obozrenie*, no 5, pp. 461–480 (in Russian).
- Walsh J. P., Ungson G. R. (1991) Organizational Memory. *Academy of Management Review*, vol. 16, no 1, pp. 57–91.

Walsh J. P., Ungson G. R. (2009) Organizational memory. *Knowledge in Organisations* (ed. L. Prusak), London: Routledge, pp. 177–212.

Wilkins R. (2002). Schools as Organisations: Some Contemporary Issues. *International Journal of Educational Management*, vol. 16, no 3, pp. 120–125.

Zamanou S., Glaser S. R. (1994) Moving toward Participation and Involvement: Managing and Measuring Organizational Culture. *Group Organization Management*, vol. 19, no 4, pp. 475–503.

Zapp M., Dahmen C. (2023) Live and (Let) Die—Shifting Legitimacies and Organizational Mortality in American Higher Education, 1944–2018. *Social Problems Social Problems*, spad001. Available at: <https://doi.org/10.1093/socpro/spad001> (accessed 31 October 2024)

Zerubavel E. (1996) Social Memories: Steps to a Sociology of the Past. *Qualitative Sociology*, vol. 19, pp. 283–299.

Received: August 11, 2024

Citation: Kolotovkina A. (2024) Instituty proshlogo: potentsial organizatsionnoy teorii v issledovaniyakh kollektivnoy pamyati [Institutions of the Past: The Potential of Organizational Theory in Collective Memory Studies]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp. 73–97. doi: [10.17323/1726-3247-2024-5-73-97](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-5-73-97) (in Russian).